

ТЕД ЧАН

ВЫДОХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ч-18

Серия «Эксклюзивная классика»

Ted Chiang

EXHALATION

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фerez*

Художник *В. Половцев*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Чан, Тед.

Ч-18 Выдох : [сборник : перевод с английского] / Тед
Чан. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133036-1

Тед Чан — уникальное явление в современной фантастике, та самая звезда НФ, которую обожают в равной степени и читатели, и критики. Он собрал самые престижные премии, включая 4 «Небьюлы», 5 «Хьюго» и 4 «Локуса».

В новом сборнике «Выдох» Чан продолжает задавать все те же не теряющие актуальности вопросы:

— что есть ЧЕЛОВЕК — и какие факторы влияют на его жизненный выбор;

— надо ли искать инопланетный разум, когда человечество еще не определилось с судьбой своей родной планеты;

— всегда ли взаимоотношения людей и машин — благо,

— и другие, не менее важные...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Ted Chiang, 2019

© Перевод. В. Гришечкин, 2019

© Перевод. М. Вершовский, 2019

© Перевод. К. Егорова, 2019

© Издание на русском языке

AST Publishing, 2020

ISBN 978-5-17-133036-1

КУПЕЦ И ВОЛШЕБНЫЕ ВРАТА

О могущественный халиф, светило веры и предводитель уповающих на Всевышнего! Призвав меня пред очи свои, ты удостоил ничтожнейшего из людей великой чести, на какую не смеет надеяться простой смертный. История, которую я готов повергнуть к стопам твоего внимания, может показаться тебе воистину удивительной и странной, но она вполне заслуживает того, чтобы быть записанной на роговице человеческого глаза, ибо содержит в себе назидание для тех, кто хочет быть предупрежден, и урок для тех, кто хочет чему-нибудь научиться.

Мое имя, о халиф, Фувад ибн-Аббас, и я родился здесь, в Багдаде, который еще иногда именуют Городом Мира. Мой покойный отец — а его еще многие помнят в Багдаде — торговал зерном, но сам я большую часть жизни занимался тканями, поставляя знатнейшим горожанам дамасские шелка, лучшее египетское полотно и расшитые золотом платки из Марокко. Мое дело процветало, но дух мой был смущен, и утешить меня могла не роскошь, но милостыня, которую я щедро подавал нуждающимся. Ныне, о повелитель, я стою перед тобой без единого дирхема в кармане, но на сердце у меня царит покой.

Аллах — начало всего, но с твоего милостивого позволения, о владыка, начну мой рассказ с того дня, когда я отправился в квартал кузнецов и ювелиров, ибо мне нужно было выбрать подарок для весьма почтенного купца, с которым я вел дела, а знающие люди сказали, что этому человеку мог бы понравиться большой серебряный поднос. Побродив по городскому базару некоторое время, я вдруг заметил в одной из лавок новое лицо. Лавка была довольно большой и находилась на самом выгодном месте, в центре базарной площади. Чтобы занять ее, новому владельцу пришлось, наверно, заплатить немало золота, поэтому я решил зайти сюда, чтобы поглядеть на выставленный товар.

Мне приходилось много путешествовать, о владыка, но еще никогда и нигде я не встречал вещей столь удивительных и редких! У самого входа я увидел астролябию* с семью инкрустированными серебром дисками, большие водяные часы, которые били каждый час, а также искусно сделанного из меди соловья, который принимался издавать трели при малейшем дуновении ветерка. В глубине лавки стояли предметы и механизмы еще более диковинные, и я рассматривал их с изумлением ребенка, впервые увидевшего уличного жонглера или шпагоглотателя, когда из неприметной дверцы в дальней стене вышел какой-то старик.

— Добро пожаловать, господин, — приветствовал он меня. — Мое имя Башарат. Чем я могу служить тебе?

— У тебя в лавке выставлены товары, — отвечал я, — каких мне еще не приходилось видеть, а ведь

* Астролябия — старинный геодезический и астрономический прибор для измерения углов.

я веду дела с купцами из самых отдаленных уголков мира. Позволь мне спросить, откуда ты взял столь удивительные вещицы?

— Благодарю тебя за твои слова, о господин, — сказал Башарат, — но все, что ты видишь перед собой, сделали в моей мастерской либо я сам, либо мои подмастерья, которыми я руководил.

То, что этот человек отличается столь разнообразными познаниями, изрядно удивило меня. Я долго расспрашивал его то об одном, то о другом механизме или приспособлении и поражался его подробным ответам, из которых следовало, что владелец лавки весьма сведущ в астрологии, геомантии, алгебре, медицине и других науках. Мы беседовали больше часа, и мое уважение и восхищение расцветали, точно роза, согретая утренними лучами солнца, пока Башарат не упомянул о своих алхимических опытах.

— Так ты осведомлен и в этой области? — спросил я, боюсь, с некоторым недоверием в голосе, ибо я никогда не считал алхимию настоящей наукой, да и человек этот вовсе не напоминал мошенника. — Означают ли твои слова, что ты умеешь превращать железо в золото?

— Умею, мой господин, однако большинство людей ожидает от алхимии вовсе не этого.

— Чего же они ожидают?

— Людям нужно золото, которое было бы дешевле, чем металл, добываемый из земли. Алхимикам известно несколько способов получения золота, но все они столь трудоемки и дороги, что по сравнению с ними добыча золотоносной породы в глубоких шахтах под горами кажется таким же легким делом, как сбор персиков с молодых деревьев.

Я невольно улыбнулся его словам.

— Ты, бесспорно, человек ученый, однако я твердо знаю, что полагаться на алхимию могут только глупцы.

Башарат пристально взглянул на меня. Несколько секунд он, казалось, размышлял о чем-то, потом сказал:

— Совсем недавно, господин мой, я построил одну машину, которая, возможно, заставит тебя изменить свое мнение. Не желаешь ли взглянуть на нее? Ты будешь первым, кому я ее показываю.

— Для меня это большая честь, — ответил я совершенно искренне, ибо был бесконечно заинтригован его словами.

— Тогда благоволи следовать за мной, — молвил Башарат и провел меня сквозь дверь в задней стене лавки. За дверью помещалась мастерская, наполненная инструментами и предметами, о предназначении которых я мог только гадать. Например, здесь были слитки железа, обмотанные таким количеством тонкой медной проволоки, что, если ее размотать, она протянулась бы до самого горизонта, а также какие-то странные зеркала, установленные на круглых гранитных плитах, похожих на мельничные жернова и плававших в больших чанах, наполненных ртутью. Но Башарат прошел мимо, не удостоив эти чудеса даже взглядом.

Наконец он подвел меня к массивному каменному блоку размером с большой сундук, на котором, как на пьедестале, стояло в вертикальном положении кольцо из толстого металла. Ширина кольца достигала почти сажени, а его обод казался таким тяжелым, что поднять его не смог бы и самый сильный мужчина. Металл обода был черным, как ночное небо, однако его так искусно отполировали, что будь он другого цвета, то смог бы заменить зеркало.

У пьедестала Башарат поставил меня лицом к ребру кольца, а сам встал справа от него.

— Смотри внимательно, господин, — сказал он.

С этими словами Башарат просунул руку в кольцо. Я, разумеется, ожидал, что она появится с противоположной стороны, но ничего не увидел. Казалось, будто кто-то отрубил руку Башарата по самый локоть. Между тем никакой крови не было. Пока я смотрел, Башарат помахал обрубком руки вверх и вниз и снова вытащил ее из кольца. Поразительно, но его рука оказалась совершенно целой!

Признаться, я не ожидал, что столь ученый человек вздумает развлекать меня обычными балаганными трюками, однако фокус был проделан столь безупречно, что я не удержался и захлопал в ладоши.

— Это еще не все, господин мой, — ответил Башарат, отступая на пару шагов от сооружения. — Подожди немного.

Я ждал, и вот какое-то время спустя в воздухе слева от кольца возникла рука. Одна рука от кисти до локтя — и больше ничего! На ней болтался просторный рукав халата, узор и цвет которого в точности соответствовали узору и цвету халата Башарата. Рука несколько раз поднялась и опустилась, потом втянулась в кольцо и исчезла.

Продолжение трюка произвело на меня куда более сильное впечатление, так как гранитный постамент и обод кольца выглядели недостаточно большими, чтобы внутри мог скрываться человек.

— Превосходно! — воскликнул я совершенно искренне. — Bravo!

— Прошу прощения, господин, но это вовсе не фокус, как ты, вероятно, подумал. Дело в том, что пространство с правой стороны обруча опережает все, что находится слева от него, на несколько се-

кунд. Просовывая руку сквозь кольцо, я преодолеваю этот временной интервал буквально в мгновение ока.

— Не понимаю, — признался я честно.

— Позволь мне показать тебе еще раз, — сказал Башарат и снова просунул руку в кольцо. И снова, как в прошлый раз, его рука исчезла. Башарат улыбнулся, сделал рукой движение, как будто что-то тащил, и, вынув ее из кольца, повернулся ко мне. На его ладони лежал перстень, который я тотчас узнал.

— Это же мой перстень! — воскликнул я и машинально поднес к глазам руку, однако мой перстень по-прежнему поблескивал у меня на пальце. — Скажи, о ученый человек, как тебе удалось так быстро создать столь совершенную копию?

— Это вовсе не копия, а твой подлинный перстень, господин. Терпение, и ты все увидишь сам!

И снова с левой стороны кольца появилась рука, которая столь напоминала руку Башарата. Желая узнать, в чем тут секрет, я быстро шагнул вперед и сжал эту руку в своей. Вопреки моим ожиданиям, это оказалась самая настоящая рука, такая же живая и теплая, как моя. Я потянул ее на себя, но рука держалась в обратном направлении. В следующее мгновение она исчезла в пустом пространстве внутри обруча, а я почувствовал, что остался без перстня.

— Мой перстень пропал! — воскликнул я.

— Нет, господин, — ответил Башарат. — Вот он, возьми... — С этими словами он вручил мне перстень, который держал в руке. — Возьми его и прости меня за эту маленькую... демонстрацию.

Я снова надел перстень и некоторое время изумленно разглядывал его.

— Но как такое могло произойти? — промолвил я наконец. — Ведь этот перстень был у тебя до того, как он пропал с моей руки!

Тут я увидел, как из обруча снова показалась та же рука (я узнал ее по узору на рукаве халата), но на сей раз она высунулась из пустоты с правой стороны обода и тут же исчезла.

— Что это было?! — воскликнул я, придя в еще большее изумление, ибо не видел, чтобы Башарат пропускал руку через кольцо в третий раз.

— Вспомни, господин мой: все, что происходит с правой стороны, предшествует тому, что совершается слева, — напомнил Башарат и, встав с левой стороны от обруча, просунул в него руку. Как и в предыдущие разы, его рука исчезла, словно отрубленная.

Ты, о великий халиф, конечно же, понял, в чем было дело; до меня же суть происходящего дошла далеко не сразу. Только с третьего раза я сообразил: всякое действие, совершенное с правой стороны таинственного обруча, завершалось с его левой стороны, но не сразу, а несколько секунд спустя.

— Не колдовство ли это, о господин? — спросил я у Башарата.

— Нет, — ответил он, качая головой. — Я прожил немало лет и ни разу не видел ни одного джинна или ифрита, но, даже если бы кто-нибудь из этих темных духов явился ко мне, я бы не доверил ему и самого легкого дела. Нет, о почтеннейший, это не колдовство, а всего лишь один из разделов алхимической науки.

И Башарат рассказал, как он выискивает в ткани мироздания узкие поры, похожие на ходы, которые протачивают в старом дереве черви, и как, найдя такой ход, он понемногу расширяет и вытягивает его подобно тому, как искусный стеклодув, вращая кусок расплавленного стекла, превращает его в длинную трубку. Еще он добавил, что время, втекающее в такую трубку, подобно воде, на другом ее конце

стущается, словно сироп. Должен признаться, о великий халиф, что я совершенно не понял его объяснений и потому не могу судить, истинны они или нет. Единственное, на что я был способен, — это твердить: «Ты создал что-то поистине удивительное, о мудрец!», ибо мое уважение к этому ученому безмерно возросло.

— Благодарю тебя за добрые слова, мой господин, — ответил Башарат, — но все это только предлюдия к тому, что я собирался тебе показать.

И он знаком предложил мне пройти в следующую комнату, которая помещалась за его алхимической лабораторией. Там я увидел еще один круглый обруч, сделанный из того же полированного металла, только еще больше и массивнее, чем первый.

— То, что ты видел в предыдущей комнате, я называю Вратами секунд, — промолвил Башарат, оставившись перед своим творением. — А теперь перед тобой Врата лет. Две стороны этих Врат отстоят друг от друга ровно на два десятилетия.

Скажу честно, я понял его не сразу. На мгновение я даже представил себе, как Башарат просовывает руку в свои Врата с правой стороны, а потом двадцать лет ждет, пока она покажется слева. Никакого смысла в этом фокусе — если это был фокус — я не видел. Так я и сказал, но Башарат только рассмеялся в ответ.

— Разумеется, это устройство можно использовать и для фокусов, — сказал он. — Но подумай, мой господин, что будет, если ты сам пройдешь сквозь эту дверь... — И, встав с правой стороны Врат, он жестом подозвал меня к себе, а потом указал на кольцо.

— Смотри, господин мой.

Я посмотрел сквозь кольцо на дальний угол комнаты и почти сразу заметил, что ковры и подушки

в нем отличаются от тех, которые были здесь, когда я вошел. Шагнув в сторону, я увидел, что комната ничуть не изменилась. Снова заглянув в кольцо, я убедился, что комната имеет другой вид.

— Глядя сквозь Врата, господин мой, ты видишь комнату, какой она станет двадцать лет спустя, — пояснил Башарат.

Я несколько раз моргнул, как иногда непроизвольно начинает моргать человек, когда вдруг в самом сердце пустыни ему начинает мерещиться прохладная озерная гладь, но видение — если это было видение — не исчезло.

— И ты утверждаешь, мудрец, что я тоже могу пройти сквозь твои Врата? — спросил я.

— Конечно, мой господин. Сделав один-единственный шаг, ты окажешься в Багдаде, каким он станет через два десятка лет. Ты даже сможешь разыскать в нем будущего себя, поговорить сам с собою и вернуться. Для этого достаточно пройти сквозь Врата в обратном направлении.

При этих его словах у меня закружилась голова, так что я даже пошатнулся.

— И ты проделывал это, о мудрец? — спросил я. — Ты побывал в будущем и вернулся?!

— Да, господин мой, — кивнул ученый. — И не только я, но и многие из тех, кто заходил ко мне в лавку взглянуть на мои товары.

— Как же так, — удивился я, — ведь совсем недавно ты сказал, что я первый человек, которому ты показываешь свое творение!

— Я имел в виду только эти Врата. Но много лет назад мне принадлежала лавка в Каире; там я построил свои первые Врата лет. Их я показывал многим, и все эти люди воспользовались ими.

— Это поразительно! — воскликнул я. — Скажи же мне, о мудрейший, что принесли этим людям разговоры со своими двойниками из столь отдаленного будущего?

— Каждый узнаёт что-нибудь свое, — сказал Башарат. — Если хочешь, господин мой, я могу рассказать тебе историю одного такого человека.

И если будет угодно могущественному халифу, я готов поведать ее в таком виде, в каком она мне запомнилась.

ПОВЕСТЬ О СЧАСТЛИВОМ КАНАТЧИКЕ

Жил на свете молодой мастер-канатчик по имени Хасан, который прошел сквозь Врата лет, потому что хотел увидеть Каир, каким он станет через двадцать лет. Очутившись в будущем, он был поражен тем, как вырос и изменился его родной город. Хасану даже казалось, что он каким-то чудом оказался в сказке, вытканной искусным мастером на дорогом персидском ковре, и, хотя вокруг него был самый что ни на есть Каир со всеми его достоинствами и недостатками, все вокруг казалось ему необыкновенным.

И вот Хасан забрел к воротам Зувайла, где выступают шпагоглотатели и заклинатели змей. Там его неожиданно окликнул какой-то предсказатель.

— Эй, парень, — сказал он, — хочешь, я открою тебе будущее?

— Я его уже знаю, — рассмеялся Хасан в ответ.

— Но тебе, наверное, любопытно, станешь ты богатым или нет?

— Мое ремесло — плетение канатов и веревок, — отвечал Хасан. — Вряд ли оно способно принести мне богатство.

— Почему ты так уверен в этом? — возразил предсказатель. — Разве ты не слышал о прославленном купце Хасане аль-Хуббале, который в юности тоже был простым канатчиком?

Заинтересовавшись, Хасан стал расспрашивать рыночных торговцев о своем прославленном тезке и вскоре выяснил, что о нем и его богатстве действительно знают буквально все. Ему даже сказали, что Хасан аль-Хуббаль живет в самом дорогом квартале Хаббания. Хасан тотчас отправился туда, и там ему указали дом купца, который оказался самым большим на улице и больше походил на дворец.

Сначала Хасан немного оробел, но потом постучался в калитку, и слуга в шелковом тюрбане провел его в просторный, устланный коврами дворик, в центре которого бил небольшой фонтан. Ожидая, пока слуга доложит о нем своему господину, Хасан разглядывал окружающие его мрамор и слоновую кость и все больше убеждался, что здесь не место скромному канатчику. Он уже собирался потихоньку уйти, когда дверь во внутренние покои отворилась и во дворике появился какой-то человек, в котором Хасан — отдадим должное его сообразительности — почти сразу узнал себя, постаревшего на два десятилетия.

— Наконец-то ты явился! — воскликнул Хасан аль-Хуббаль. — Я давно тебя поджидаю!

— Ты ждешь меня? — удивился молодой Хасан.

— Конечно! Ведь я побывал у будущего себя точно так же, как ты сейчас пришел ко мне. Это было так давно, что я забыл точную дату, поэтому и не

знал, когда ты появишься. Садись же, о Хасан, отобедай со мной!

И оба отправились в обеденный зал. Там они уселись на шелковых подушках, и слуги подавали им золотистый плов, фаршированных оливками нежных цыплят, лепешки с медом и шашлык из мяса ягненка, вымоченного в соке граната. За обедом старший Хасан рассказал гостю кое-что о своей жизни, о своих коммерческих операциях и деловых интересах, но ни словом не обмолвился о том, как он стал купцом. Упомянул он и о том, что женат, но добавил, что сейчас молодому Хасану неблагоразумно встречаться со своей будущей супругой. Вместо этого Хасан аль-Хуббаль попросил юношу рассказать кое о каких проделках и шалостях, совершенных им в детстве, и долго смеялся над несколькими случаями, которые время успело изгладить из его памяти.

Наконец молодой Хасан спросил аль-Хуббалья, как удалось ему изменить свою жизнь и разбогатеть.

— Сейчас я могу сказать тебе только одно: когда отправишься на базар покупать пеньку, никогда не ходи по южной стороне улицы Черных Собак, как ты обычно делаешь. Ходи по ее северной стороне.

— И это поможет мне разбогатеть? — недоверчиво спросил юный Хасан.

— Просто сделай, как я сказал. А сейчас возвращайся-ка обратно: тебя ждет работа. Мы еще встретимся; о дне второго визита ко мне ты узнаешь в свое время.

С тем юный Хасан и вернулся назад. Поразмыслив, он решил послушаться совета Хасана аль-Хуббалья и всегда ходил по северной стороне улицы Черных Собак, даже если на ней не было тени. Всего несколько дней спустя, когда он проходил по этой улице, по южной ее стороне промчалась во весь

опор взбесившаяся лошадь. Она лягнула нескольких прохожих, изувечила одного мужчину, опрокинув на него тяжелый каменный кувшин с пальмовым маслом, а другого затоптала копытами. После того как лошадь умчалась и суматоха немного улеглась, Хасан помолился Аллаху об исцелении искалеченного и о вселении в обитель праведных души убитого, а потом возблагодарил Бога за то, что избавил его от смерти.

На следующий день Хасан снова прошел сквозь Врата лет и разыскал Хасана аль-Хуббаля.

— Почему ты дал мне такой совет? — спросил юноша. — Разве тебя искалечила взбесившаяся лошадь, когда ты проходил улицей Черных Собак?

— Нет, — был ответ, — потому что я последовал совету более позднего Хасана. Не забывай: ты и я — одно, и все, что случилось с тобой, когда-то выпало и мне.

И старший Хасан стал давать юноше другие указания, а тот неукоснительно их исполнял. Он перестал брать яйца в ближайшей лавке и счастливо избежал тяжелой болезни, поразившей других покупателей, когда к торговцу случайно попала подпорченная партия. В другой раз Хасан приобрел дополнительный запас пеньки и продолжал работать, когда прочие канатчики остались без материала из-за задержавшегося в пути каравана. Советы аль-Хуббаля помогли ему избежать и многих других неприятностей, однако юноша часто спрашивал себя, почему более поздний Хасан не открывает ему всей картины. На ком он женится? Как он разбогатеет и когда это наконец произойдет?

Как-то раз, выгодно продав на базаре большую партию готовых канатов, юный Хасан возвращался домой с довольно тяжелым кошельком на поясе, что